

5) Л. М. Лопатинъ на всѣ принесенные привѣтствія отвѣтилъ выражениемъ глубочайшей благодарности.

6) Были оглашены телеграммы съ привѣтствіями отъ Обществъ, учрежденій и отдѣльныхъ лицъ.

Засѣданіе было закрыто въ 11 $\frac{1}{2}$ ч. вечера.

Привѣтственный адресъ Психологического Общества.

Дорогой
Левъ Михайловичъ!

Исполнилось тридцать лѣтъ Вашей научно-литературной дѣятельности. Мы собрались здѣсь привѣтствовать Васъ, нашего предсѣдателя, предсѣдателя старѣйшаго Общества, объединяющаго философскія силы Россіи. Мы думаемъ, что настоящій день является торжественнымъ праздникомъ не только для Московскаго Психологическаго Общества, но онъ есть праздникъ всей русской философіи и русской науки. Чествуя Васъ, мы чествуемъ одного изъ самыхъ выдающихся людей въ культурной жизни нашей родины.

Вы, какъ старѣйшій членъ нашего Общества, съ момента его основанія, въ теченіе уже болѣе четверти вѣка, являетесь однимъ изъ самыхъ живыхъ и дѣятельныхъ его сотрудниковъ, а въ теченіе послѣднихъ 12 лѣтъ безсмѣнно состоите его предсѣдателемъ. Какъ предсѣдатель, Вы способствовали плодотворной работѣ Общества, всегда обнаруживая тотъ тактъ, благодаря которому наша работа протекаетъ мирно и спокойно. Ваши глубокіе по содержанію и блестящіе по формѣ доклады, затрагивавшіе основные философскіе вопросы, останутся навсегда памятными участникамъ нашихъ собраній.

Мы привѣтствуемъ Васъ, какъ редактора нашего журнала. Ваша дѣятельность, направленная на поддержаніе строго научнаго характера журнала, постоянно отличалась духомъ широкой терпимости и объективности. Этимъ Вы способствовали тому, что нашъ журналъ сдѣлался объединяющимъ центромъ русской философской мысли. Давно уже русская публика придаетъ руководящее значеніе нашему журналу, благодаря чему онъ является проводникомъ нашей философской мысли въ широкихъ

кругахъ русского общества. Въ нашемъ журналѣ удѣляется много мѣста разсмотрѣнію философскихъ вопросовъ, имѣющихъ жизненное значеніе. Эта черта нашей національной философи особенно ярко выступила въ пору Вашего руководительства журналомъ.

Какъ профессоръ, Вы одинъ изъ тѣхъ, кто создавалъ славную репутацію Московскаго университета. Какъ университетскій преподаватель, Вы подняли значеніе философи въ ряду другихъ научныхъ дисциплинъ. Много поколѣній русскаго юношества, воодушевляясь Вашими чтеніями, научилось цѣнить и любить философию. Въ Вашихъ лекціяхъ Вы съ величайшимъ мастерствомъ умѣете давать яркія и живыя изображенія различныхъ проявленій философской мысли. Нѣтъ такой сложной философской системы, которую Вы не сумѣли бы представить Вашимъ слушателямъ въ ясныхъ и отчетливыхъ чертахъ.

Въ Вашей литературной дѣятельности Вы способствовали развитію русскаго философскаго языка. Превосходный стиль Вашихъ произведеній всегда будетъ привлекать читателей, и можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что ихъ кругъ будетъ постоянно увеличиваться по мѣрѣ культурнаго развитія Россіи. Вашимъ спиритуалистическимъ учениемъ о духѣ, Вашей критикой параллелизма и оригинальной теоріей духовной субстанціи Вы положили прочный фундаментъ философской психологіи. Вашими тонкими анализами философскихъ системъ различныхъ эпохъ Вы сдѣлали цѣнныій вкладъ въ исторію философи, и мы ждемъ отъ Васъ систематическаго изложенія исторіи философи, которое несомнѣнно послужитъ украшеніемъ отечественной литературы.

Въ Вашемъ лицѣ мы привѣтствуемъ одного изъ самыхъ значительныхъ представителей философской мысли въ Россіи. Вы начали Вашу научную дѣятельность въ эпоху полнаго расцвѣта позитивизма и материализма. Ваши «Положительные задачи» сразу пошли въ другомъ направленіи. Все Ваше философское учение проникнуто глубокой вѣрой въ высокое назначеніе человѣка. Къ этому убѣжденію приводить и Ваша критика ученія обѣ имманентности познанія, въ которой Вы исходитѣ изъ проблемы обѣ одушевленіи чужого «я», и Ваше ученіе о духовной субстанціи, которое является философской опорой Вашей вѣры въ бессмертіе души, и Ваша идея «творческой причинности».

Выдвигая эту идею, Вы были однимъ изъ провозвѣстниковъ того философскаго теченія, которое въ настоящее время сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе философскихъ круговъ Запада. На основахъ этого ученія Вы защищаете свободу человѣческой воли, убѣдительно доказывая, что только на почвѣ свободы возможенъ настоящій идеализмъ, возможно истинное служеніе высшимъ идеаламъ человѣческой личности.

Въ Вашей философской системѣ Вы не только стоите на почвѣ лучшихъ традицій западно-европейской и русской философской мысли, но являетесь однимъ изъ вполнѣ оригинальныхъ мыслителей, творцомъ русской идеалистической философіи. Съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія мы можемъ отмѣтить, что Вы оказали въ русской литературѣ рѣшительное вліяніе на ходъ философской мысли. Уже въ настоящее время можно видѣть все растущее число Вашихъ послѣдователей, но плодотворность Вашихъ идей и въ особенности глубокой по замыслу идеи творческой причинности, будетъ еще въ большей степени оцѣнена впослѣдствіи, при большемъ развитіи у насъ философіи, когда эта идея найдетъ всестороннее приложеніе въ изслѣдованіи философскихъ вопросовъ.

Мы съ гордостью можемъ заявить, что сегодня мы празднуемъ юбилей выдающагося национального мыслителя. Можно только пожелать, чтобы Ваши труды были переведены на иностранные языки. Ознакомленіе съ ними западныхъ ученыхъ способствовало бы прославленію русского имени.

Группа лицъ, работающихъ на поприщѣ философіи въ Россіи, объединенная признаніемъ Вашихъ заслугъ и любовью къ Вамъ, составила философскій сборникъ. Мы просимъ Васъ принять нашъ скромный даръ, какъ выраженіе того, что мы, Ваши ученики и почитатели, идемъ за Вами и вмѣстѣ съ Вами къ одной и той же завѣтной цѣли, къ созданію самостоятельной русской философіи.

**Привѣтствіе отъ авторовъ статей Философскаго сборника,
прочитанное П. И. Новгородцевымъ.**

Глубокоуважаемый
Левъ Михайловичъ!

Я имѣю порученіе привѣтствовать Васъ отъ имени сотрудниковъ Философскаго Сборника, подносимаго Вамъ сегодня.

Избирая этот особливо торжественный способ юбилейного чествования — какимъ является составление особаго сборника Вашего имени — мы исходили изъ мысли, что предъ нами не обычная юбилейная дата, обозначающая срокъ долгой службы или искусъ продолжительного труда. Мы сознавали, что Вашъ юбилей есть праздникъ русской философіи, который долженъ быть отмѣченъ всѣми, кто дорожитъ самостоятельнымъ развитиемъ русской мысли. Мы хотѣли сказать тѣмъ, кто думаетъ, что философская мудрость приходитъ съ Запада: придите сюда, къ этой каѳедрѣ, чтобы озариться свѣтомъ бодрящихъ изученій, чтобы научиться здѣсь истинной свободѣ мысли, не стѣсненной никакими авторитетами. Вотъ что хотѣли мы выразить, поднося Вамъ Сборникъ, предисловіе къ которому я уполномоченъ здѣсь прочесть.

Въ тяжелый для философіи день вышли Вы на поприще философскаго служенія. Слышались вокругъ голоса, что дни философіи сочтены, что она утратила свой кредитъ. Самое имя ея потеряло свое прежнее значеніе и стало употребляться въ новомъ, неслыханномъ ранѣе смыслѣ. Блестящіе успѣхи опытныхъ знаній затмили славу умозрительныхъ системъ, и казалось, имъ суждено было замолкнуть навсегда, какъ обѣ этомъ шумно возвѣщалось съ разныхъ сторонъ.

Но за этими шумомъ временныхъ голосовъ Вамъ слышался и другой призывъ. Онъ шелъ изъ глубины исторіи, изъ славнаго прошлаго философской мысли, и отзыаясь на него, Вы стали на защиту старого дѣла, «надъ которымъ трудились величайшіе умы древности и новаго времени, которому посвящали лучшія свои силы Платонъ и Аристотель, Декартъ и Лейбницъ, Спиноза и Гегель». Вы прониклись убѣждениемъ, что это старое дѣло философіи есть также и ея вѣчное дѣло, и подъ знаменемъ великихъ вождей прошлаго Вы рѣшились идти «противъ теченія».

Но какъ и куда идти? Передъ Вами открывались двѣ дороги, которые у насть въ Россіи съ какой-то властной силой увлекаютъ философствующіе умы. Нѣмецкій идеализмъ и славянофильская философія вѣры — вотъ два направленія, которые и Вамъ встрѣтились при началѣ Вашихъ занятій. Славныя имена, великая традиція и Васъ влекли за собою. Но Вы и здѣсь не пошли за общимъ теченіемъ, а избрали свой собственный путь. Вы не

хотѣли признать нѣмецкой философіи послѣднимъ предѣломъ умозрительного развитія, какъ и не считали возможнымъ при мнуть къ славянофиламъ. У Васъ созрѣлъ смѣлый замыселъ заново пересмотрѣть «положительныя задачи философіи», заново опредѣлить границы положительныхъ построеній. Соединяя рѣдкій критическій даръ съ тонкой проницательностью взгляда, поразительную ясность мысли съ глубиною воззрѣній, Вы явили въ Вашей философіи превосходный примѣръ самостоятельного творчества. Независимо и свободно шли Вы отъ величаго наслѣдія прошлаго къ новымъ синтезамъ. А когда вокругъ Васъ вырастали иныя направленія, часто враждебныя и противоположныя Вамъ по духу, Вы не смущались этимъ несоответствіемъ Вашихъ собственныхъ путей съ модными лозунгами времени. Вы знали, что въ состязаніи мнѣній, въ тяжбѣ системъ испытанная вѣками истина всегда торжествуетъ надъ односторонними увлеченіями. Вы знали, что фанатизмъ новыхъ вѣяній и догматическая самоувѣренность моды бессильны предъ сіяніемъ вѣчной правды, которая одна остается незыблемой средь суетнаго круговорота идей.

Неизмѣнной и вѣрной поступью тридцать лѣтъ Вы слѣдовали по избранному пути, и вотъ сегодня мы чествуемъ Васъ, какъ русскаго философа, труды котораго дороги намъ, какъ живое и блестящее обнаруженіе самостоятельной русской мысли. Среди колебаній времени и смѣны настроеній Вы твердо стояли на своемъ посту, и наградой Вамъ служить не только сознаніе исполненнаго долга, но и радость общаго признанія.

Ваши товарищи, почитатели и ученики рѣшили ознаменовать тридцатилѣтие Вашей дѣятельности поднесеніемъ Вамъ сборника философскихъ статей. Примите отъ насъ этотъ даръ, какъ залогъ глубокаго уваженія къ Вамъ со стороны лицъ, занимающихся философіей въ Россіи. Пусть напоминаетъ онъ Вамъ о той высокой оцѣнкѣ, которую Ваши труды встрѣчаютъ въ настоящее время. Пусть говоритъ онъ Вамъ не только о счастливо пройденномъ пути, но и о вѣчномъ бодрѣніи духа, которое мы чествуемъ сегодня въ Вашемъ лицѣ.

Отвѣтная рѣчь Л. М. Лопатина.

Было бы мало сказть, что я очень польщенъ высказанными и прочитанными сейчасъ характеристикаами и оцѣнками моей

дѣятельности; я прямо смущенъ и какъ бы нравственно оглушенъ и сбитъ съ толку тѣмъ, что мнѣ было сказано. Скромность моя перенесла жестокое испытаніе. Конечно, я очень хорошо знаю, что на юбileяхъ, какъ и въ некрологахъ, принято говорить о людяхъ только самое похвальное и при томъ непремѣнно въ повышенномъ тонѣ. Но даже если откинуть все, что зависитъ отъ этого обстоятельства, въ прочитанномъ вами остается слишкомъ много такого, отъ чего можно растеряться. Не нахожу словъ, какъ выразить вамъ мою благодарность и за щедрый, глубоко меня трогающій даръ вашъ, и за ваше доброе мнѣніе обо мнѣ. Повѣрьте, оттого она не менѣе. Я, разумѣется, не судья моего жизненного дѣла и не буду пускаться на такую зыбкую для меня почву. Скажу только о томъ, что меня вдохновляло и двигало въ моихъ философскихъ работахъ.

Съ незапамятныхъ временъ въ человѣческихъ умахъ живетъ два противоположныхъ міросозерцанія: по одному, истинно сущее,—настоящая реальность вещей,—для насъ закрыто, непостижимо и если находится въ чемъ себѣ отдаленное изображеніе, то только въ схемахъ и механическихъ отношеніяхъ нашего виѣшняго опыта. Больше о дѣйствительности мы ничего знать не можемъ. Нашъ внутренній душевный міръ, наше я, наше сознаніе и воля только феномены, только мимолетное марево, поднявшееся надъ этой темной, неизвѣстной, далекой отъ нашего самочувствія и непонятной основой. По другому міропониманію, напротивъ, только въ своей душѣ, только въ непосредственныхъ переживаніяхъ нашего внутренняго я намъ дана настоящая дѣйствительность и лишь черезъ нее мы постигаемъ и всяную другую реальность. Въ нашемъ психическомъ мірѣ мы встрѣчаемъ нечто реальное безо всякихъ прикрытій, какъ оно есть, и поэтому только въ немъ можно искать опоры для содержательного познанія объ истинномъ бытіи.

Изъ этихъ двухъ возможныхъ пониманій міра я всецѣло примкнулъ ко второму. Первое міросозерцаніе несетъ въ себѣ такія несообразности, которые не позволяютъ ни его прочнаго признанія, ни его послѣдовательнаго проведенія. Вѣдь если нашъ духъ никакъ не выражаетъ въ себѣ внутренней реальности остального міра, какъ мы можемъ что-нибудь объ этомъ мірѣ знать или даже вообще что-нибудь о немъ утверждать? Съ другой стороны, если нашъ духъ и объективная дѣйствитель-

ность такъ абсолютно противоположны и такъ несвязаны между собою, какъ они могутъ войти элементами въ одно міровое цѣлое? Не попадаемъ ли мы въ безвыходныя дебри самаго непримиримаго дуализма? Итакъ, остается единственный путь для дѣйствительного философскаго пониманія міра: бытіе нужно понять по духовнымъ аналогіямъ и въ духовныхъ категоріяхъ. То, что есть основного въ нашемъ духѣ, то, безъ чего немыслимо ни одно его проявленіе, должно лежать въ основѣ и всѣхъ другихъ вещей, если только міръ представляеть внутреннее единство, а не распадается весь въ безсвязные, чуждые другъ другу клочья. Внутренняя духовность всего дѣйствительного и его живая внутренняя связь,—въ этомъ коренной тезисъ спиритуалистической міровоззрѣнія.

Что же открываетъ намъ непредвзятый внутренній опытъ о духѣ, какъ самое основное въ немъ? Онъ открываетъ его единство, его самоопределѣніе и, стало быть, свободу, творческій характеръ всѣхъ его процессовъ, цѣлестремительное направление всей его самодѣятельности. Это такие признаки, которые присутствуютъ на всѣхъ ступеняхъ духовнаго и которые если отбросить, отъ самой духовной жизни ничего не останется. Итакъ, если міръ духовенъ въ своей внутренней сущности, то въ его бытіи должна изливаться единая, свободная, творческая сила, ведущая все ею созданное и вызванное къ своимъ высшимъ цѣлямъ. Въ этихъ цѣляхъ осуществляется объективный идеальтворенія, и этотъ объективный идеалъ есть въ то же время нашъ человѣческій нравственный идеалъ. Вѣдь одна и та же сила движетъ міромъ и составляетъ глубочайшій корень нашей индивидуальной духовности. Смыслъ жизни человѣка въ томъ, что въ немъ вѣчное свободно ищетъ вѣчнаго. Таково въ самыхъ сжатыхъ чертахъ мое философское *credo*.

Мнѣ сейчасъ было указано, что я съ самаго начала разорвалъ съ позитивизмомъ и черезъ это сразу оказался въ плоскости умозрительной философіи, и что далѣе въ области умозрительной философіи я не примкнулъ ни къ нѣмецкому идеализму, ни къ славянофиламъ и пошелъ своимъ особымъ, одинокимъ путемъ. На это могу лишь отвѣтить одно: въ этомъ не было ничего преднамѣреннаго, это вышло само собою. Въ годы моего отрочества и юности я испыталъ сильное вліяніе славянофиловъ, многихъ изъ которыхъ я зналъ лично, и въ теченіе долгихъ

лѣтъ послѣ они были близки моей душѣ. Съ другой стороны, и для меня, какъ для большинства моихъ философскихъ сверстниковъ, великие представители нѣмецкаго идеализма были самыми большими авторитетами въ сферѣ умозрѣнія. И если я оторвался отъ того, что мнѣ было такъ близко и дорого, то для этого были особыя причины. Я былъ всегда глубоко убѣжденъ, что разумъ человѣческій не только источникъ всякихъ обмановъ и что функція его не въ одномъ искаженіи реальныхъ отношеній между вещами, а и въ усмотрѣніи ихъ и *въ дѣйствительномъ постиженіи*. Поэтому я думалъ, что разуму при добросовѣстномъ и серьезному пользованіи его силами и средствами, даже когда онъ предоставленъ себѣ, даже когда онъ опирается только на ту очевидность, которая заключена въ немъ самомъ,— открыта объективная истина о существѣ,—пускай не во всей его полнотѣ и неисчерпаемой глубинѣ, пуслай только въ общихъ и ограниченныхъ очертаніяхъ, но все же *истина*, а не миражъ и призракъ. А разъ это такъ, то возможны общеобязательные истины разума о дѣйствительно существующемъ въ немъ самомъ, а если онѣ возможны, то ихъ должно искать, и въ этомъ первая и главная задача философіи, какъ реальнаго знанія. Философія не можетъ быть только условнымъ методомъ или логическю формою для изложенія субъективныхъ вѣрованій и чаяній высоко настроенныхъ, пламенно вѣрующихъ душъ,—она должна быть прежде всего системою объективныхъ истинъ, обязательныхъ для всякаго разумнаго существа. Такое пониманіе философской задачи отдѣлило меня отъ славянофиловъ. Ихъ твердое убѣженіе въ томъ, что послѣднее слово разума сказано въ системѣ Гегеля и что это слово оказалось пустымъ и ложнымъ, заставляло ихъ смотрѣть на философію, какъ самостоятельную науку, безнадежными глазами, и содержанія для философіи они вынуждены были искать только въ доктринахъ и откровеніяхъ истинной церкви.

Съ другой стороны, мнѣ казалось, что философія переживаетъ очень критический моментъ. Старыя проторенные дороги философіи исхожены во всѣхъ направленіяхъ, ея испытанные, старые методы использованы, какъ только можно было ихъ использовать, а получилось разочарованіе и крушеніе прежнихъ надеждъ. Система объективныхъ истинъ разума о реально существѣ не только не была найдена, — перестали вѣрить въ самую воз-

можность ее когда-нибудь найти. Для меня это было знакомъ, что весь пройденный философской мыслью путь долженъ быть радикально пересмотрѣнъ. Вѣдь когда философское пониманіе попадаетъ въ тупикъ, изъ него можетъ быть лишь одинъ выходъ: *принципиальное сомнѣніе*, которое уже спасло философію въ эпоху Декарта. Со всею серьезностью и умственою добросовѣтностью надо отказаться отъ всѣхъ философскихъ предразсудковъ — метафизическихъ, гносеологическихъ, психологическихъ и космологическихъ,—отъ всѣхъ предвзятыхъ предположеній, изъ какихъ бы почтенныхъ школъ они ни исходили, отъ всѣхъ традицій—не потому, чтобы онѣ были непремѣнно ложны, а потому, что надо же отыскать критерій, чтобы оцѣнить ихъ по достоинству и выбрать между ними. Нужно отбросить все предвзятое и строить все заново, опираясь на очевидность разума, на то, что для него просто, ясно и несомнѣнно, дѣлая наименьшія допущенія и притомъ только такія, которыя говорять сами за себя и логическая необходимость которыхъ не можетъ подлежать серьезному спору. *Скептический путь къ объективной истинѣ*—вотъ что одно остается для философіи въ эпохи ея великихъ потрясеній. Я убѣдился, что долгъ современного философа вступить на этотъ тяжелый и тернистый путь, и тогда мнѣ пришлось разорвать съ нѣмецкимъ идеализмомъ и прежде всего съ теоріей разума Канта. Вѣдь каждому известно, что она опирается на очень сложныя, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и тусклыя предпосылки, и что до нашихъ дней тянется вѣковой споръ не только объ ихъ оправданіи, но и о самомъ ихъ смыслѣ. Въ результатаѣ я оказался въ очень одинокой позиціи, и это было естественно. Тѣмъ болѣе мнѣ несказанно дорого выраженное мнѣ теплое признаніе моихъ скромныхъ заслугъ, и я не знаю, какъ мнѣ благодарить за него.

Привѣтствіе отъ Императорскаго Московскаго университета.

Глубокоуважаемый и дорогой Левъ Михайловичъ! Я счастливъ тѣмъ, что на мою долю выпало въ этотъ знаменательный день привѣтствовать Васъ отъ имени Московскаго университета и выразить Вамъ одушевляющія меня чувства. Вашъ настоящій триумфъ—это въ то же время и великое торжество Московскаго университета, гдѣ Вы возросли духомъ и гдѣ щедро разсыпали

даръ этого духа въ теченіе тридцати лѣтъ. Не буду говорить о томъ, какъ велики и разнообразны эти дары, не буду дѣлать анатомію Вашимъ духовнымъ качествамъ: это уже сдѣлали и будетъ еще сдѣлано другими. Для меня важнѣе отмѣтить здѣсь тотъ удивительно цѣльный духовный обликъ, съ какимъ Вы всегда и неизмѣнно выступали въ нашей университетской средѣ. Я не могу подыскать другого слова для обозначенія этого духовнаго облика, какъ только «изящное благородство». Вы изящно благородны были во всемъ, и въ Вашей философіи, и въ устномъ и письменномъ Вашемъ словѣ, и въ Вашемъ преподаваніи, и въ Вашемъ отношеніи къ учащимся и товарищамъ, и въ Вашемъ участіи въ коллегіальной жизни и дѣятельности университета. Нельзя не оцѣнить по достоинству это основное свойство Вашей нравственной личности. Вѣдь это и есть то самое свойство, которое вливаетъ душу живу въ учено-учебный организмъ, превращаетъ его въ великую силу, воспитывающую людей.

Пріятно было работать съ Вами, дорогой Левъ Михайловичъ, и это не маловажная Ваша заслуга передъ роднымъ университетомъ. Вѣдь всякая работа спорится въ пріятномъ сообществѣ, въ атмосферѣ, проникнутой взаимнымъ сочувствіемъ, доброжелательностью и взаимнымъ уваженіемъ. А эту атмосферу Вы всегда носили въ себѣ, всегда создавали вокругъ себя: гдѣ бы Вы ни находились среди своихъ товарищей, у Васъ находилось для нихъ слово привѣта, но не слово навѣта, слово сочувствія, но не слово осужденія и укоризны, и Васъ въ свою очередь всегда встрѣчали и провожали съ такими же добрыми чувствами. И кто можетъ теперь учесть размѣры того чисто психического содѣйствія, которое оказали Вы нашей общей работѣ, экономіи нашихъ нравственныхъ силъ? Думаю, что размѣры этихъ содѣйствій во всякомъ случаѣ окажутся огромными.

Не могу умолчать и еще обѣ одной великой заслугѣ Вашей передъ роднымъ университетомъ. Въ дни тяжкихъ испытаній, переживаемыхъ университетомъ, въ дни нашихъ сомнѣній и колебаній Вы всегда выступали съ совѣтомъ мудреца и горячую любовью сына къ своей altam matrem. Съ великою энергией и талантомъ защищали Вы самоцѣнное достоинство университета, и искренняя благодарность должна быть отвѣтомъ со стороны всѣхъ, кому дорогъ университетъ.

Въ заключеніе позвольте отъ души пожелать, чтобы Ваше

добрестное служение нашему университету не изсяло еще долгие годы, и чтобы мы еще долго наслаждались удовольствиемъ имѣть въ свой средѣ нашего милаго, доброго, глубокоуважаемаго и высокоцѣннаго Льва Михайловича Лопатина.

Адресъ товарищѣй по факультету.

Глубокоуважаемый и дорогой
Левъ Михайловичъ!

Мы, Ваши товарищи по факультету, съ чувствомъ радости и гордости привѣтствуемъ Васъ по поводу исполнившагося тридцатилѣтія ученаго и преподавательскаго труда Вашего.

Нѣкоторые изъ нась имѣли счастье быть Вашиими учениками и живо помнятъ Ваши глубокія по содержанію, художественные по формѣ и проникнутыя высокимъ духовнымъ подъемомъ лекціи, отъ которыхъ вѣяло чисто Платоновской красотой и вдохновеніемъ, помнить и Ваши несравненные семинаріи, въ которыхъ съ такою яркостью проявлялись Сократовскія черты—безукоризненный методъ, трезвость мысли, остроуміе, находчивость и неизмѣнное дружелюбіе по отношенію къ молодымъ искателямъ истины.

Подобно большинству крупныхъ ученыхъ, Вы были педагогомъ въ незаурядномъ смыслѣ этого слова: Вы давали каждому столько, сколько могли вмѣстить его способности и естественный научный интересъ, не стремясь путемъ насилия надъ волей Вашихъ учениковъ добиться призрачныхъ результатовъ вѣшняго знаніе и отрицательно относясь къ подневольной философской работе.

А когда лучшіе изъ Вашихъ учениковъ впослѣдствіи встрѣчались съ Вами въ другой стадіи научнаго развитія—въ качествѣ авторовъ самостоятельныхъ философскихъ изслѣдованій, въ Вашемъ лицѣ они находили тончайшаго и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ объективнаго критика, который всегда съ полнымъ безпристрастіемъ умѣлъ оцѣнить добросовѣстная усиленія молодыхъ ученыхъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда эти усиленія направлялись въ сторону, не соотвѣтствующую основнымъ убѣжденіямъ Вашимъ. Философскіе диспуты съ Вашимъ участіемъ были всегда выдающимися событиями въ университетской жизни, привлекавшими обширную аудиторію и служившими благороднѣйшимъ

средствомъ распространенія не только научныхъ знаній и интересовъ, но и славы Московскаго университета, какъ одного изъ виднѣйшихъ просвѣтительныхъ центровъ въ Россіи. И съ каждымъ такимъ диспутомъ мы, Ваши товарищи, все болѣе и болѣе проникались сознаніемъ того, какого крупнаго, исключительнаго по своимъ дарованіямъ и эрудиціи ученаго имѣемъ мы въ нашей средѣ.

Есть еще одна сторона въ Вашей дѣятельности, о которой мы можемъ и должны засвидѣтельствовать сегодня во всеусыпаніе съ чувствомъ горячей благодарности. Это—Ваше участіе въ нашей коллегіальной жизни въ качествѣ члена факультета. Сколько разъ самые сложные и волнующіе вопросы ученого-учебнаго дѣла получали неожиданное разрѣшеніе благодаря Вашему внимательству, всегда проникнутому тонкою деликатностью и товарищескимъ духомъ по отношенію къ коллегамъ и чуткой гуманностью по отношенію къ студентамъ.

Позвольте же намъ, дорогой Левъ Михайловичъ, пожелать, чтобы еще многіе и многіе годы съ каѳедры Московскаго университета раздавалось Ваше вдохновенное слово философа Божіей милостью и чтобы мы, Ваши ближайшіе товарищи, еще многіе и многіе годы пользовались счастiemъ многообразнаго общенія съ Вашей обаятельной и всѣмъ намъ дорогою личностью.

**Привѣтствіе отъ Московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ,
произнесенное В. М. Хвостовымъ.**

Левъ Михайловичъ,

Московскіе высшіе женскіе курсы возложили на меня и на Н. Д. Виноградова пріятную обязанность привѣтствовать Васъ на сегодняшнемъ торжествѣ, какъ отъ лица всего Совѣта курсовъ, такъ, въ частности, отъ лица того факультета, къ которому Вы принадлежали: историко-философскаго. Я называю эту обязанность пріятною и съ полнымъ основаніемъ могу назвать ее для меня лично вдвойнѣ пріятною. Мнѣ пріятно, во-первыхъ, привѣтствовать именно Васъ, человѣка, котораго я не только высоко цѣню, какъ ученаго и общественнаго дѣятеля, но и съ гордостью считаю въ числѣ моихъ личныхъ и весьма мною любимыхъ друзей; мнѣ пріятно, во-вторыхъ, приносить это привѣтствіе отъ лица учрежденія, которое мнѣ также очень

дорого, которое я искренно люблю и которому служу по мѣрѣ своихъ силъ и разумѣнія, горячо желая его дальнѣйшаго развитія и процвѣтанія.

Я не буду говорить о Вашихъ научныхъ и преподавательскихъ заслугахъ, какъ потому, что мы о нихъ сегодня уже много и съ разныхъ сторонъ слышали, такъ и потому, что я самъ уже имѣлъ случай высказаться о нихъ въ утреннемъ номерѣ «Русскихъ Вѣдомостей». Я ограничусь тѣмъ, что въ сегодняшнемъ празднествѣ касается представляемаго мною учрежденія.

Московские высшіе женские курсы сыграли довольно видную роль въ Вашей жизни, и Вы сыграли видную роль въ ихъ жизни. Это учрежденіе для Васъ дорого, конечно, не только въ силу того, что Вы являетесь убѣжденнымъ сторонникомъ высшаго женскаго образованія и придаете огромное значеніе въ жизни человѣчества свѣтлымъ сторонамъ женской личности, но и въ силу чисто личныхъ обстоятельствъ. Вѣдь именно на высшихъ женскихъ курсахъ тридцать лѣтъ тому назадъ начали Вы Вашу преподавательскую дѣятельность, въ качествѣ лектора высшей школы. Раньше, чѣмъ открылись Ваши философскія чтенія въ Университетѣ, раздалась Ваша рѣчь передъ слушательницами высшихъ женскихъ курсовъ, тогда еще небольшого, только что возникавшаго дѣла. Женщины были первыми Вашиими слушательницами и въ этомъ заключалось хорошее предзнаменование: столь отзывчивая на все истинное и высокое женская аудиторія по достоинству оцѣнила Ваши таланты и положила начало правильной оцѣнкѣ Вашей личности.

Вы работали на женскихъ курсахъ въ первый периодъ ихъ существованія. Вы не отказались сдѣлаться опять ихъ преподавателемъ, когда послѣ долгаго и томительного перерыва это учрежденіе возродилось, чтобы въ болѣе широкомъ масштабѣ возобновить свою дѣятельность. На этотъ разъ, къ сожалѣнію, Ваше участіе въ жизни курсовъ было кратковременнымъ: личные обстоятельства заставили Васъ прекратить здѣсь Вашу дѣятельность. Я очень радъ, что двери высшей школы вновь открыты передъ русской женщиной и что высшая женская школа можетъ принять участіе и въ нынѣшнемъ празднике просвѣщенія. Вѣдь, открывая женщинѣ широкіе пути культурной дѣятельности, мы тѣмъ самыми открываемъ новые, свѣтлые горизонты для всего человѣчества. Но мнѣ жаль, что Васъ мы не

видимъ въ этомъ учрежденіи. Мы не теряемъ надежды на то, что Вы еще вернетесь къ намъ и найдете возможнымъ послужить столь дорогому и для Васъ дѣлу высшаго образованія русской женщины, которой мы уже такъ многимъ обязаны въ прошломъ и настоящемъ и отъ которой столько новаго и свѣжаго ожидаемъ въ будущемъ.

Позвольте же закончить это краткое привѣтствіе искреннимъ пожеланіемъ Вамъ многихъ еще лѣтъ дѣятельной и плодотворной жизни на славу русской науки и философіи, на пользу не только русской, но и общечеловѣческой культуры.

Адресъ Общества Любителей Россійской Словесности.

Глубокоуважаемый
Левъ Михайловичъ!

Общество любителей россійской словесности душевно привѣтствуетъ въ Вашемъ лицѣ мыслителя - писателя. Недаромъ въ спискѣ его членовъ давно уже красуется Ваше уважаемое имя: это доказываетъ, что наше Общество вполнѣ оцѣнило ту Вашу своеобразную и прекрасную черту, благодаря которой тонкая мысль Вашихъ умозрѣній всегда находила себѣ соотвѣтственное начертаніе такимъ же тонкимъ и изящнымъ стилемъ. Именно потому, что глубина Вашего отвлеченного мышленія свѣтла, Вы умѣете излагать его въ такой формѣ, которая плѣняетъ своей ясностью и дорогою простотой. Ваши книги принадлежатъ не только русской философіи, но и русской словесности. Вашъ Логосъ, какъ это и подобаетъ, не только разумъ, но и слово. Бережно и благоговѣйно храня традиціи родного языка, достойный и преданный ученикъ Льва Поливанова съ его культомъ Пушкина, другъ С. А. Юрьева и Вл. Соловьевъ, — всѣхъ этихъ дѣятелей, ярко записавшихъ свои незабвенные имена въ вѣковой исторіи нашего Общества, Вы проникли въ тайны прекраснаго изложенія, и та благодатная школа красоты, въ которой Вы воспитали свое міросозерцаніе, помогла Вамъ дать въ своихъ произведеніяхъ образецъ такой рѣчи, гдѣ на каждомъ почти словѣ, его однако не отягощая, лежитъ печать не только философской обдуманности, но и задушевной теплоты, эстетического вкуса и такта. О трудномъ Вы говорите легко; высоты Вы дѣлаете доступными. И намъ отрадно сознавать, что на дол-

гомъ протяжениіи своей ученой и учительской работы Вы своей духовной личностью являли одушевленное сочетаніе философіи и художества. Серьезный знатокъ и дѣйственный почитатель Шекспира, цѣнитель высокихъ цѣнностей, Вы и этимъ реально подтвердили существованіе внутренней и органической связи между истиной мысли и истиной искусства. Наконецъ, Вы сами—старый учитель словесности, и намъ лестно и дорого, что отъ насъ, ея учителей, ея любителей, ея изслѣдователей, Вы примете, въ день своего торжества, не только добровольную дань уваженія, но и товарищескій привѣтъ и поклонъ.

Адресъ Московскаго Общества Испытателей Природы.

Императорское Московское Общество Испытателей Природы, старѣйшее изъ русскихъ естественно-научныхъ Обществъ, привѣтствуетъ Васъ, глубокоуважаемый Левъ Михайловичъ, въ день тридцатилѣтняго юбилея Вашей высокоплодотворной научной дѣятельности.

Философія и естествознаніе представляютъ собой двѣ области человѣческаго вѣдѣнія, тѣсно и безпрерывно переплетавшіяся въ своемъ историческомъ развитіи. Натурфилософія, зарожденная въ классической древности, насчитываетъ и до настоящаго времени значительное количество представителей среди выдающихся ученыхъ. Гносеологія въ одинаковой мѣрѣ обязательна какъ для философовъ, такъ и для натуралистовъ. Интересъ къ философіи со стороны естествоиспытателей проявляется за послѣднее время особенно интенсивно.

Въ день Вашего юбилея Общество позволяетъ себѣ высказать надежду, что философскому идеализму еще предстоитъ большая роль въ развитіи человѣческихъ знаній вообще, а следова-тельно и въ развитіи естественныхъ наукъ.

Адресъ Московскаго Математического Общества.

Глубокоуважаемый
Левъ Михайловичъ!

Московское Математическое Общество приноситъ Вамъ свой сердечный привѣтъ въ день празднованія тридцатилѣтія Вашей выдающейся ученой, литературной и преподавательской дѣятель-

ности, Вашего плодотворного общественного служенія въ одномъ изъ самыхъ высокихъ значеній этого слова. Общій интересъ къ философскому анализу основныхъ положеній математики и точнаго естествознанія уже давно сблизилъ между собою московскихъ представителей математики и философіи, и сегодня Московское Математическое Общество съ особымъ удовольствіемъ чествуетъ въ Васъ того, кто всего болѣе способствовалъ этому сближенію широтою и разносторонностью своихъ интересовъ и привлекательностью своей талантливой личности. Въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ Вы неоднократно останавливались на основахъ математики, и блестящія страницы, посвященные въ одной изъ Вашихъ работъ вопросу о математическихъ истинахъ, столь же цѣнны для математиковъ, какъ и для философовъ. Но не только своими учеными трудами пріобрѣли Вы право на особое уваженіе и сочувствие Математического Общества; оно высоко цѣнитъ ту благожелательность и сердечность, которыя Вы всегда проявляли въ Вашихъ къ нему отношеніяхъ. Общество помнитъ, съ какою готовностью Вы всегда отзывались на его обращенія къ Вамъ, и вспоминаетъ съ глубокою признательностью Ваши рѣчи и статьи, въ которыхъ Вы со свойственнымъ Вамъ мастерствомъ характеризовали философскія воззрѣнія основателей Общества В. Я. Цингера и Н. В. Бугаева и столь близкаго Вамъ Н. И. Шишкина. Наконецъ, Общество останавливается съ чувствомъ живѣйшей радости на тѣсной научной связи и личныхъ симпатіяхъ, связывающихъ съ Вами многихъ его членовъ. Оно видитъ въ этихъ отношеніяхъ залогъ того, что и въ будущемъ Вы сохраните къ Обществу тѣ чувства, съ какими Вы относились къ нему до сихъ поръ.

Принося Вамъ свое привѣтствіе, Московское Математическое Общество желаетъ Вамъ еще долгихъ лѣтъ столь же плодотворной дѣятельности среди Вашихъ учениковъ и послѣдователей на пользу и славу русской философіи.

Адресъ Московского Юридического Общества.

Глубокоуважаемый
Левъ Михайловичъ!

Принося Вамъ привѣтствіе по случаю тридцатилѣтія Вашей философской дѣятельности, Московское Юридическое Обще-

ство не считаетъ себя случайнымъ гостемъ на этомъ празднике русской философии.

Русская юридическая мысль искони почерпаетъ свои творческія силы изъ философскихъ источниковъ:

Языкъ есть исповѣдь народа:
Въ немъ говоритъ его природа,
Его душа и бытъ родной,—

сказалъ русскій поэтъ,—и этотъ языкъ, вдохновенный и прекрасный русскій языкъ, своими словами и выраженіями неопровержимо свидѣтельствуетъ о связи въ сознаніи русскаго народа права и правды, связи ясной и живой,—какъ бы ни расходилась дѣйствительность существующаго съ дѣйствительностью должна.

Великія пріобрѣтенія научнаго знанія положили навсегда предѣлъ умозрѣніямъ въ области точныхъ знаній, но не положили и не могутъ положить предѣла умозрѣнію, какъ таковому.

«Умъ человѣческій—прирожденный метафизикъ», сказали Вы. «Не странное ли самообольщеніе? Въ каждомъ изъ насъ,—къ какимъ бы философскимъ или религіознымъ партіямъ мы ни принадлежали,—цѣлый міръ метафизическихъ предположеній... Зачѣмъ не называть вещи ихъ именами?.. Не лучше ли сознать фактъ? Всякая безсознательность въ научной сфере ведетъ только къ смѣшенію понятій, неясности и лжи».

И въ Вашемъ капитальномъ трудѣ «Положительныя задачи философіи», откуда взяты эти строки, и въ другихъ своихъ работахъ Вы много сдѣлали для того, чтобы утвердить границы между областью умозрѣнія и областью индуктивныхъ знаній. Въ торжественную минуту настоящаго юбилея Московское Юридическое Общество не можетъ не привѣтствовать философа, который много погрудился надъ выясненіемъ философской правды о живой правдѣ. Правду ищетъ философъ, но она нужна и юристу, ею питается правосознаніе, и она должна одухотворять право.

Да проникнется современное правосознаніе живымъ сознаніемъ правды.

Да послужатъ этому философи и юристы.

Труденъ путь и далека цѣль, но если передъ нами, какъ въ настоящій моментъ, встаетъ образъ неустанной многолѣтней дѣятельности, отданной на служеніе истинѣ, отраднѣе становится жить и легче вѣрить въ силу высшихъ началъ, и вотъ почему

съ такой радостью мы привѣтствуемъ Васъ сегодня. Мы привѣтствуемъ въ Васъ живую энергию духа, неизсякаемую жажду познанія, широкія перспективы возврѣній. Мы горячо желаемъ, чтобы многія, многія лѣта Вы продолжали дарить нась свѣтлыми поученіями Вашей мысли.

**Адресъ Московскаго Общества Невропатологовъ и
Психиатровъ.**

Глубокоуважаемый

Левъ Михайловичъ!

Въ ряду многочисленныхъ научныхъ организаций, привѣтствующихъ Васъ въ день 30-лѣтняго юбилея Вашей научной дѣятельности, несетъ Вамъ свой привѣтъ и поздравленія и Московское Общество Невропатологовъ и Психиатровъ.

Наше специальное Общество, изслѣдующее вопросы біологического порядка и опирающееся на эмпирические методы, стоитъ, казалось бы, совершенно въ сторонѣ отъ круга Вашихъ интересовъ; казалось бы, совершенно чужда ему и Ваша область умозрѣнія и метафизики и главныя точки Вашей философской мысли; однако, уже много лѣтъ назадъ Общество Невропатологовъ и Психиатровъ ощутило потребность въ научномъ сближеніи съ Вами и избрало Васъ въ число своихъ членовъ-сотрудниковъ. Точкой соприкосновенія, дававшей возможность осуществленія совмѣстной работы, явилась та общая психологическая почва, которая составляетъ основу Вашихъ философскихъ построений. Ваше основоположеніе обѣ имманентности душевной субстанціи создаетъ тотъ мостъ, на которомъ могутъ встрѣтиться съ Вами въ общихъ усиліяхъ и изслѣдователи другихъ міросозерцаній. Вашъ безпредвзятый интересъ къ психологическимъ построениямъ иныхъ лагерей, Ваша благоволяющая терпимость къ доказательствамъ и возврѣніямъ несогласныхъ съ Вами научныхъ дѣятелей всегда создавали особенно уютную атмосферу для философскихъ дебатовъ, и при каждомъ удобномъ случаѣ мы особенно охотно шли навстрѣчу созыву соединенныхъ засѣданій нашего Общества и состоящаго подъ Вашимъ предсѣдательствомъ Московского Психологического Общества.

Привѣтствуя Васъ сегодня, Общество Невропатологовъ и Психиатровъ высказываетъ Вамъ горячее пожеланіе многолѣтней плодотворной дѣятельности на нивѣ родной науки.

**Адресъ Московскаго Религіозно-Философскаго Общества и
издательства „Путь“.**

Глубокоуважаемый Левъ Михайловичъ!

Совѣтъ Московскаго Религіозно-Философскаго Общества и редакція тѣсно связаннаго съ нимъ издательства «Путь» счастливыми долгомъ своимъ почитаютъ привѣтствовать Васъ по поводу исполнившагося 30-лѣтія Вашей научной дѣятельности и пожелать Вамъ энергіи и силъ для ея продолженія. Вы стоите на отвѣтственномъ посту русской культуры, и священно то знамя, которое развѣвается надъ Вашей головой, хочется прибавить: и надъ всѣми нами. Ибо не можетъ самобытная культура не имѣть самобытной философіи, и Вамъ, вмѣстѣ съ немногими избранныками, вѣрено было судьбою почетное служеніе—пѣстовать и блюсти русскую философію въ пору всеобщаго философскаго безвременія, пронести ея священный огонь черезъ холодъ и мракъ предразсвѣтные. Четверть вѣка Вы были вѣрнымъ и неизменнымъ рыцаремъ философіи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя Вы всегда и отстаивали независимость философскаго умозрѣнія и свободу философіи, Вы никогда не понимали эту свободу и эту независимость какъ право превратить ее лишь въ специальную научную дисциплину, отчужденную отъ вопросовъ жизни и мировоззрѣнія и особенно отъ религіи. Напротивъ, въ Вашихъ рукахъ философія является хотя и свободной и независимой, но сознательной и вѣрной союзницей религіи, она по-своему, своими средствами выявляетъ ея цѣнности, устанавливаетъ ея истины.

Вы выступили на философское поприще, когда въ наше общество почти безраздѣльно царилъ материализмъ и догматический позитивизмъ, убѣжденнымъ сторонникомъ религіозно- metaфизического міросозерцанія, которое смыкается въ систему теизма, т.-е. вплотную подводитъ къ истинамъ христіанской религіи. И въ наше время, когда старые кумиры смѣнились уже новыми, и материализмъ сталъ называть себя монизмомъ, а позитивизмъ—критицизмомъ и научной философіей, Вы отстаиваете противъ критического имманентизма трансцендентныхъ предпосылокъ знанія, а противъ гносеологического субъективизма—спиритуалистический онтологизмъ. Въ тѣ самые 80—90-е годы, эту эпоху отчаянія философской мысли на западѣ, когда она начала,

наконецъ, искать спасенія въ лозунгѣ: назадъ къ Канту, блестящая плеяда русскихъ философовъ, Вл. С. Соловьевъ, кн. С. Н. Трубецкой, Л. М. Лопатинъ, поставила предъ философией «положительную задачу»: идти не назадъ, но впередъ, не къ Канту, но за Канта, Шеллинга и Гегеля. И въ то время, когда философская мысль запада въ теченіе цѣлой четверти вѣка истощалась въ усиліяхъ сдвинуться съ Канта и въ своемъ развитіи лишь теперь едва продвигается до Фихте и Гегеля, русская философская мысль порождаетъ философскія системы, которыхъ могли бы оказать помощь и западной философи въ ея кризисѣ, если бы ее не отдала отъ нашей сохраняющейся и до сихъ поръ глухая стѣна.

Хотя въ Вашемъ творчествѣ живетъ міровая философская традиція, но, какъ все истинно-универсальное, оно носитъ и конкретно-национальныя черты. И потому мы счастливы привѣтствовать въ Васъ не только носителя міровой философской традиціи, но и, прежде всего, русского мыслителя. Передъ всѣми нами стоитъ великая историческая задача—ковать русскую культуру, будить религіозно-философскую мысль, оформлять религіозно-национальное самосознаніе. И этой задачѣ Вы послужили своимъ философскимъ дѣломъ. И, привѣтствуя въ Васъ русского философа, совмѣщающаго въ своемъ философскомъ творчествѣ начала универсальное и національное, мы чтимъ вмѣстѣ съ тѣмъ духовную нашу родину, для которой мощный выразитель русского самосознанія поставилъ высокій идеалъ: быть русскимъ — значитъ быть всечеловѣкомъ.

Льву Михайловичу Лопатину, Московскій Литературно-художественный Кружокъ.

1881—1911.

Многоуважаемый Левъ Михайловичъ!

Ваше имя такъ тѣсно связано съ исторіей русской философи, что было бы излишне объяснять, почему Московскій Литературно-Художественный кружокъ, которому дороги интересы и судьбы русской литературы, съ радостью присоединяется къ тѣмъ привѣтствіямъ, которыя обращены къ Вамъ сегодня, въ день тридцатилѣтія Вашей литературной и ученой дѣятельности. Въ Вашемъ главномъ сочиненіи, названіе котораго сегодня у всѣхъ на устахъ,

Вы дали исчерпывающую критику материалистического міросозерцанія, имѣвшаго у насъ въ Россіи, какъ въ странѣ, где, по разнымъ причинамъ, развитіе философской мысли запоздало, значительный успѣхъ и распространеніе, и этимъ оказали всему русскому обществу неоцѣнимую услугу. Въ рядѣ своихъ статей и замѣтокъ, которые всегда читались съ величайшимъ вниманіемъ всѣми, интересующимися высшими вопросами мысли, Вы разрабатывали, съ большой силою ума и съ непобѣдимой логикой, наиболѣе трудные и важные вопросы, стоящіе передъ современной философіей, и къ этимъ Вашимъ работамъ должны будутъ обращаться всѣ будущіе изслѣдователи, которые захотятъ остановиться на тѣхъ же темахъ. Какъ профессоръ, Вы воспитали несолько поколѣній русскихъ мыслителей, и тѣ, которые имѣли счастіе считаться въ числѣ Вашихъ учениковъ, никогда не забудутъ Вашихъ глубокосодержательныхъ лекцій и Вашего руководительства, учившаго мыслить самостотельно и смѣло и любить мысль самостоятельную и смѣлую. Мы не можемъ также забыть, что Вы, не замыкаясь въ области одной специальности, всегда живо отзывались на всѣ явленія литературы и искусства, и что многія литературно-художественные начинанія имѣли въ Васъ своего дѣятельного участника. И Литературно-Художественный Кружокъ, гордящійся тѣмъ, что онъ считаетъ Васъ въ рядахъ своихъ членовъ съ самаго своего основанія, еще разъ повторяетъ, въ лицѣ своихъ представителей, тѣ пожеланія, которыя въ эту минуту объединяютъ всѣхъ присутствующихъ здѣсь: чтобы еще долго длилась Ваша полезная и славная дѣятельность какъ учителя молодежи и какъ мыслителя, ищущаго новыхъ путей къ тому, что люди привыкли называть истиной.

Адресъ женской гимназіи С. А. Арсеньевой.

Глубокоуважаемый и дорогой
Левъ Михайловичъ!

На праздникѣ 30-тилѣтія Вашего служенія русской наукѣ, съ большою радостью и въ то-же время съ сознаніемъ исполняемаго долга, привѣтствуетъ Васъ и женская гимназія С. А. Арсеньевой.

Какъ видный представитель философской науки, Вы естественно принадлежите Университету, и не намъ здѣсь протягивать нашу руку, чтобы вѣнчать Васъ юбилейными лаврами. Но почти

одновременно съ Вашею университетскою дѣятельностью нача-
лась и ваша педагогическая дѣятельность въ среднеучебныхъ
заведеніяхъ, между прочимъ и въ нашей гимназіи. Уже съ 1880-го
года Вы стали преподавателемъ Арсеньевской гимназіи. Съ те-
ченiemъ времени, когда въ ней открылся 8-й классъ, Вы взяли
въ немъ на себя родную Вамъ психологію и важную специаль-
ность русской литературы—и съ тѣхъ поръ изъ гимназіи не вы-
ходило ни одного выпускa, который бы не прошелъ черезъ Ваши
руки. Но быть преподавателемъ въ извѣстной школѣ не значитъ
быть живымъ ея членомъ. Только тотъ, кто отдаетъ педагоги-
ческой дѣятельности лучшія стороны своей личности, кто мо-
жетъ освѣтить эту дѣятельность лучомъ своей собственной вну-
тренней жизни,—только тотъ дѣйствительно и съ успѣхомъ мо-
жетъ съять «разумное, доброе, вѣчное» на богатой нивѣ моло-
дыхъ поколѣній. И вотъ трудно было бы найти педагога, соот-
вѣтствующаго въ большей степени, чѣмъ Вы, только что указан-
ному идеалу. Ваши бывшія ученицы, которые присоединяютъ
свой голосъ къ нашему привѣтствію, приносятъ Вамъ здѣсь свою
горячую благодарность какъ за глубокое и яркое истолкованіе
фактовъ нашей художественной литературы, такъ и за тотъ
жизненный урокъ, который слышался имъ во всемъ Вашемъ пре-
подаваніи. Этотъ урокъ въ истинной и высочайшей гуманности,
въ мягкомъ и бережномъ отношеніи къ человѣческой личности.
Нечего и говорить, что ученицы гимназіи находятъ въ Васъ
снисходительного преподавателя, несмотря на это, однако, ста-
вящаго имъ высокія требованія серьезнаго усвоенія научныхъ
познаній. Мы, Ваши товарищи по гимназіи, счастливы отмѣтить,
что свѣтъ Вашей личности пріосвѣняетъ и всю гимназію какъ
учрежденіе. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Вы состоите Предсѣ-
дателемъ Педагогического Совѣта нашей гимназіи. Силою авто-
ритата своей личности Вы даете возможность гимназіи не чув-
ствовать многихъ неизбѣжныхъ формальностей, съ которыми
связано школьнное дѣло, и жить своею собственною жизнью,
ввшедшо въ опредѣленное русло уже такъ давно. Тепло и
уютно съ Вами, дорогой Левъ Михайловичъ, и это заставляетъ
насъ сердечно и горячо отблагодарить Васъ за все то доброе,
что исходитъ отъ Вашей личности и падаетъ на долю нашей
гимназіи. Ваши отношенія къ товарищамъ по работѣ, — сказать
«по службѣ» какъ-то не вяжется съ Вашимъ обликомъ,—полны

такой удивительной мягкости и предупредительности, что для каждого изъ нась Вашъ образъ является близкимъ и дорогимъ. Всегда, когда только Вы среди нась, мы чувствуемъ на себѣ заражающее вліяніе Вашей доброты. Большое счастье, глубокоуважаемый Левъ Михайловичъ, имѣть въ своей средѣ такого человѣка, какъ Вы, и мы, пользуясь Вашимъ юбилеемъ считаемъ своимъ долгомъ сказать Вамъ это и отъ всей души пожелать Вамъ, чтобы Вы еще долгіе годы были не только укращеніемъ русской науки, но и добрымъ сѣятелемъ на нивѣ средняго образованія.

Адресъ мужской гимназіи Л. И. Поливанова.

Глубокоуважаемый и дорогой
Левъ Михайловичъ!

Знаменательный день 30-тилѣтняго юбилея Вашей научной дѣятельности есть вмѣстѣ съ тѣмъ событіе въ жизни гимназіи, которая имѣла нѣкогда Васъ своимъ ученикомъ и ужъ много лѣтъ имѣетъ однимъ изъ самыхъ близкихъ ея сотрудниковъ. Вашъ праздникъ—праздникъ и для нашей гимназіи.

Къ глубокому сожалѣнію, годы унесли одного за другимъ почти всѣхъ учредителей ея Вашихъ наставниковъ: Л. И. Поливанова, Н. И. Шишкина, И. В. Янчина, П. П. Копосова и В. А. Фукса; лишь одинъ Е. Н. Кедринъ переживаетъ праздникъ Вашей жизни вмѣстѣ съ Вами и нами.

Гимназія привѣтствуетъ Васъ среди другихъ учрежденій, учебныхъ и высшихъ учебныхъ. Среди нихъ она занимаетъ особое, скромное положеніе—и, склоняясь передъ ихъ авторитетомъ и внимательно слушая всестороннюю оцѣнку Вашей ученой и просвѣтительной дѣятельности, гимназія обращается къ Вамъ лишь съ выраженіемъ самой сердечной благодарности за то, что Вы удаляете ей Ваше искреннее вниманіе и, состоя ея преподавателемъ, поддерживаете въ своемъ лицѣ ея связь съ славнымъ очагомъ россійского просвѣщенія—съ Московскимъ Университетомъ,—связь, которая такъ обязываетъ гимназію къ ея дѣятельности.

Но особая близость гимназіи къ Вамъ, какъ къ своему бывшему ученику, позволяетъ ей высказать Вамъ и сказать о Васъ слово, которое принадлежитъ единственно ей.

Позвольте ей, какъ старой свидѣтельницѣ Вашей юности, вспомнить о веснѣ Вашей, когда еще только расцвѣтали тѣ начала Вашей духовной жизни, плоды которыхъ даютъ такое богатое содержаніе нынѣшнему дню.

Уже въ годы Вашего обученія въ гимназіи она цѣнила Васъ, какъ одного изъ лучшихъ учениковъ, позволявшихъ уровень преподаванія держать высоко. Вы, навѣрное, и не подозрѣваете, дорогой Левъ Михайловичъ, что Вашъ директоръ и преподаватель словесности Л. И. Поливановъ на ряду съ нѣкоторыми работами избранныхъ учениковъ любовно сохранилъ и Ваши. По этимъ произведеніямъ Вашего юнаго пера можно судить о томъ, что Вы должны были оправдать большія надежды, которыя на Васъ возлагались: уже тогда Ваша серьезная мысль облекалась въ формы, строго и тонко продуманныя и потому изящныя, Вотъ, напримѣръ, какое опредѣленіе даете Вы въ одномъ изъ классныхъ сочиненій понятію «благодѣтель человѣчества».

«Мы называемъ благодѣтелемъ человѣческаго рода того, кто, выйдя изъ ограниченности своего индивидуального существованія, свою жизнь и свое благо полагая въ жизни и благѣ человѣчества, или, по крайней мѣрѣ, считая свою личную пользу неразрывною съ пользою общей, дѣятельно проявилъ это свое уображеніе, ставъ во главѣ другихъ людей для достиженія какогонибудь общаго блага».

Характеризуя эгоизмъ, Вы вмѣстѣ съ тѣмъ даете ему окружающую оценку этическую:

«Эгоизмъ одностороненъ и, возведенный въ общее начало жизни, противорѣчитъ природѣ человѣка. Человѣкъ, заключенный въ себѣ, не имѣетъ внутренней силы, не имѣетъ энергіи, которая необходима, чтобы онъ могъ сдѣлать что-нибудь значительное». Въ другомъ сочиненіи Вы даете связное историческое представление о культурной зависимости новой Европы отъ древняго міра: «Если бы дикия племена Сѣверной Европы—пишете Вы—не восприняли плодовъ древней цивилизациіи, ихъ побѣда надъ Римомъ осталась бы безплоднымъ разрушеніемъ, и они никогда не вышли бы изъ состоянія первобытной дикости. Въ лицѣ христианства получивъ отъ греко-римской цивилизациіи свою религию и свои нравственные понятія, въ лицѣ городового устройства получивъ возможность экономического развитія; получивъ въ древней философіи и древней наукѣ зачатки новой философіи

и новой науки; получивъ въ древнемъ искусствѣ основаніе новаго искусства и наконецъ получая постоянно въ классическихъ языкахъ лучшее орудіе духовнаго развитія, новый міръ получилъ въ мірѣ древнемъ всѣ зародыши того, чѣмъ справедливо можетъ гордиться теперь».

Конечно, Левъ Ивановичъ долженъ былъ сохранить такія работы своего ученика, видя въ нихъ вполнѣ созревшими плоды своихъ завѣтovъ и своей школы.

Вашимъ наставникамъ было извѣстно, какъ сильно работала Ваша мысль, Ваша философская мысль ужъ тогда, и они знали, что во имя ея крѣпко завязалась Ваша идеальная дружба съ юнымъ Владиміромъ Соловьевымъ, отмѣченнымъ печатью философскаго творчества. Не будь учениковъ изъ такихъ просвѣщенныхъ семействъ, какою была семья Лопатинихъ, быть можетъ, и обликъ гимназіи, духъ ея были бы иными. Для гимназіи дороги были такие ученики. Она сама тогда лишь начинала свою дѣятельность и опредѣляла свои педагогическіе принципы: глубокая воспріимчивость и высота духовныхъ запросовъ первыхъ питомцевъ ея поднимали духъ самихъ учредителей гимназіи и увлекали ихъ. Вы и Ваши товарищи въ преданіяхъ и лѣтописяхъ гимназіи живете, дѣйствительно, «богатырями старшаго поколѣнія», составляете гордость ея на зарѣ ея существованія.

Увлекаясь своими питомцами, гимназія сочла себя въ правѣ задаваться смѣлыми замыслами, выходящими уже за предѣлы обычныхъ путей школы: она испытала ихъ силы на поприщѣ серьезнаго сценическаго искусства—въ области трагедіи и высокой комедіи, и вслѣдъ за этимъ Вы вмѣстѣ съ другими талантливыми товарищами по гимназіи положили начало успѣху нѣкогда извѣстнаго въ Москвѣ «Шекспировскаго Кружка». Конечно, такие тонкіе и строгіе цѣнители искусства вообще и театральнаго искусства въ частности, какими были руководители юныхъ шекспристовъ—Л. И. Поливановъ и С. А. Юрьевъ—такіе судьи не рѣшились бы содѣйствовать выступленію на сценѣ исполнителей пьесъ великаго Шекспира, если бы эти исполнители не обладали, дѣйствительно, организацией художественной. И Вы, Левъ Михайловичъ, исполняя самая разностороннія роли—отъ поэтическаго созерцателя Лоренцо до пошлаго, влюбленнаго въ себя Мальволіо, отъ хитроумнаго политика Короля Генриха IV до недальновиднаго резонера Полонія, отъ злобнаго и коварнаго

Яго до благодушного, полного юмора Мененія Агриппы—были незамѣнимымъ исполнителемъ ролей самыхъ отвѣтственныхъ. И справедливость требуетъ сказать, что лучшей ролью Вашей была не роль коварного Яго, а вдохновенного гуманного философа Лоренцо и доброго патриція Мененія Агриппы: въ этихъ роляхъ Вы воплотили родственныя Вамъ черты: стремлениѳ мысли за предѣлы земного и неотразимое благодушіе; и, конечно, только истинный цѣнитель силы ума и человѣческаго достоинства могъ такъ тонко сатирически изобразить всю пустоту пошлого міросозерцанія угодливаго царедворца Полонія.

Вспоминая это интересное время, гимназія, вокругъ которой единились шекспиристы, желаетъ показать Вамъ, какое благородное удовлетвореніе испытывала она, любуясь постепеннымъ расцвѣтомъ Вашихъ духовныхъ силъ. Теперь она видитъ въ Васъ вѣрнаго ей друга, которому не измѣнить и сама; видитъ въ Васъ чуткаго, просвѣщенаго и опытнаго въ жизни совѣтника въ ея дѣлахъ: и чѣмъ серьезнѣе, чѣмъ отвѣтственнѣе они, тѣмъ болѣе нуждается она въ Вашемъ участіи. А ученики Ваши видятъ въ Васъ профессора, который удостоиваетъ ихъ научнымъ и художественнымъ словомъ своимъ: и чѣмъ богаче одаренъ ученикъ, чѣмъ ближе онъ къ прототипу ученика, созданному Вами, тѣмъ болѣе увлекается онъ въ ту высокую область философской мысли, которой служите Вы такъ славно уже 30 лѣтъ.

Дай Богъ Вамъ многіе годы быть тѣмъ, чѣмъ знаетъ Васъ наука, чѣмъ знаетъ просвѣщенная Москва и горячо любящая Васъ гимназія Л. И. Поливанова.

Адресъ оставленныхъ при каѳедрѣ философіи Московскаго университета.

Глубокоуважаемый и дорогой
Левъ Михайловичъ!

Оставленные при каѳедрѣ философіи Московскаго университета приносятъ Вамъ въ день 30-лѣтняго юбилея Вашей научной дѣятельности свое сердечное поздравленіе и пользуются слушаемъ выразить Вамъ глубокую благодарность, какъ своему профессору и учителю. Въ Вашемъ лицѣ, глубокоуважаемый Левъ Михайловичъ, мы привыкли видѣть философа и учителя философіи въ самомъ лучшемъ смыслѣ этихъ словъ. Въ высшей

степени независимый и самостоятельный мыслитель, своеобразно ставящий и разрешающий труднейшие вопросы философской науки! Вы всегда, однако, были совершенно чужды всякой пристрастности и деспотизма мысли, такъ сковывающихъ свободное исканіе молодыхъ изслѣдователей. Ваше удивительно бережное отношение къ еще неокрѣпшей мысли Вашихъ учениковъ и заботливое участіе ко всякому жизненному ея проявленію служатъ прямымъ выраженіемъ Вашей вѣры въ разумъ, какъ «свободную стихію», въ разумъ, «который самъ остановится тамъ, где кончается сфера очевидного и логически вѣроятнаго», и который «не терпитъ извѣнъ установленныхъ преградъ». Эта же вѣра въ силы и достоинство разума живо чувствуется нами во всѣхъ Вашихъ лекціяхъ и научныхъ трудахъ, всегда бывшихъ для насъ высокимъ образцомъ всесторонней законченности и глубины мысли! Ваша философская дѣятельность является для всѣхъ насъ живымъ примѣромъ беззавѣтнаго и проникновен-наго исканія истины, и мы навсегда сохранимъ воспоминаніе о нашихъ занятіяхъ съ Вами, бывшихъ для насъ обильнымъ источникомъ новыхъ мыслей и будившихъ въ насъ готовность къ дальнѣйшей научной работѣ.

Позвольте же пожелать Вамъ, дорогой Левъ Михайловичъ, еще на много и много лѣтъ силъ и бодрости для служенія тому великому дѣлу высшей духовной культуры, которому Вы отдали Вашу жизнь и которому Вы уже оказали такія неоцѣнимыя услуги.

Адресъ слушательницъ Московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ выпускa 1904 года.

Глубокоуважаемый и дорогой учитель!

Позвольте и намъ, Вашимъ бывшимъ слушательницамъ, въ тридцатилѣтній юбилей Вашей научной дѣятельности присоединиться къ многочисленнымъ голосамъ, которые привѣтствуютъ Васъ сегодня. Намъ, первому выпуску высшихъ курсовъ, особенно дорого то, что, будучи неизмѣннымъ поборникомъ высшаго женскаго образования, Вы съ первого же года основанія нашихъ курсовъ приняли дѣятельное участіе въ ихъ научной жизни, отдавая имъ свой трудъ и время. Намъ хотѣлось бы поблагодарить Васъ и за тѣ хорошія чувства, которыя мы пережили

на Вашихъ лекціяхъ: молодыя и неопытныя, со школьной скамьи, мы пришли на курсы съ глубокой жаждой истинно-научнаго знанія, и въ Васъ мы встрѣтили учителя, всегда готоваго откликнуться на наши стремленія; каждая изъ насъ со всяkimъ возникающимъ сомнѣніемъ и вопросомъ смѣло подходила къ Вамъ, вполнѣ увѣренная, что найдетъ у Васъ внимательное и серьезное отношеніе. Не приспособляясь къ нашей малой подготовленности къ воспріятію философскихъ знаній, Вы строго научно излагали свой курсъ, пріучая насъ къ отвлеченому мышленію. Вначалѣ нѣсколько смущенные непривычной для насъ серьезностью Вашего преподаванія, мы, однако, постепенно освоились съ нимъ. Своимъ стройнымъ изложеніемъ философскихъ системъ Вы уносили насъ въ міръ свѣтлыхъ идеаловъ, научили любить философію и познавать ту радость и наслажденіе, которая только и можетъ дать отвлеченное мышленіе.

За все это свѣтлое и хорошее, что Вы дали намъ и что всегда останется однимъ изъ нашихъ лучшихъ воспоминаній, приносимъ Вамъ, дорогой Левъ Михайловичъ, сердечное спасибо.

**Адресъ участниковъ психологического семинарія
Московского университета.**

Глубокоуважаемый и дорогой
Левъ Михайловичъ!

Ваше имя неразрывно связано съ расцвѣтомъ оригинальной русской философіи, и мы, члены Психологического семинарія, еще за порогомъ университета знали Ваши произведенія. Они привлекаютъ своею кристальною ясностію и глубиной, но лишь непосредственное ощущеніе Вашей духовной личности открыло намъ внутреннюю суть Вашей философіи, открыло то, что дѣлаетъ Васъ духовнымъ вождемъ всѣхъ Вашихъ учениковъ.

Ваши вдохновенные и вдумчивыя рѣчи сказали намъ, что вся Ваша критика, всѣ Ваши призывы являются обнаружениемъ могучаго, беззавѣтного, подчинившаго себѣ всю нашу жизнь порыва къ живой и вѣчной истинѣ. Вы учили, что «должно возникнуть новое міросозерцаніе, свободное отъ противорѣчивыхъ тенденцій, надъ которыми не можемъ возвыситься мы», и мы поняли, что Вы направили всѣ свои силы на служеніе этой грядущей истинѣ. Вы разъ навсегда объявили беспощадную войну

всякому догматизму и всякой идейной косности, въ какихъ бы импонирующихъ формахъ они ни выступали, и своимъ примѣромъ постоянно призывали насъ «не искать уже готовыхъ рѣшеній, но думать и решать самимъ». Въ этомъ искреннемъ и свободномъ исканіи правды, въ этой святой ненависти ко всяkimъ идоламъ, въ этомъ благодарномъ, истинно философскомъ паѳосѣ, увлекающемъ и объединяющемъ, мы увидѣли и видимъ самое цѣнное, самое прекрасное изъ всего, что Вы даете.

Можемъ ли мы не сказать, какъ дорогъ намъ такой вождь, можемъ ли мы не принести Вамъ нашу глубочайшую признательность за ту драгоценную жемчужину духовной свободы, которую Вы намъ подарили. Да живеть же многіе и многіе годы свободный, правдивый и славный искатель истины!

Адресъ вольнослушательницъ Московскаго университета.

Глубокоуважаемый и дорогой профессоръ
Левъ Михайловичъ!

Депутація отъ вольнослушательницъ Московскаго университета привѣтствуетъ Васъ въ день тридцатилѣтняго юбилея Вашей ученой дѣятельности и приноситъ Вамъ поздравленіе, выражая Вамъ свою горячую любовь и благодарность за безконечно доброе, справедливое отношеніе къ вольнослушательницамъ Московскаго университета, за признаніе за ними правъ на науку, свѣтлаго носителя которой мы сегодня такъ искренно чествуемъ въ лицѣ Васъ. Дай Богъ, дорогой Левъ Михайловичъ, чтобы еще долгіе, долгіе годы длилась Ваша ученая дѣятельность на гордость нашего дорогого университета!

Отвѣтная рѣчь Л. М. Лопатина.

Тридцатилѣтній юбилей—это очень серьезный и даже жуткій моментъ для того, кому его суждено переживать. Онъ, какъ грозный ударъ колокола, заставляетъ внутренно собраться, сосредочиться, внимательно оглянуться назадъ. Жизнь прожита, впереди, если что и остается, то немного; какое-то главное дѣло уже сдѣлано, надъ нимъ судъ произносятъ! Есть отчего встряхнуться и взглядѣться въ свое прошлое. И какія тревожныя и скорбныя мысли пробуждаются въ душѣ: какъ скоро все про-

мелькнуло, какъ мало сдѣлано и въ то же время какъ много совершено лишняго и напраснаго; подымаются угрызенія совѣсти и больно они кусаютъ. И вотъ, когда въ такія минуты слышши теплое и доброе слово ободренія и утѣшенія, какъ будто въ самомъ дѣлѣ показывающее, хотя и въ очень преувеличенныхъ формахъ, что въ протекшай жизни не все было плохо, что было въ ней кое-что дѣльное и даже хорошее, большое это даетъ успокоеніе, и не знаешь, какъ за него благодарить.

Мнѣ тѣмъ болѣе приходится благодарить, что мой жизненный удѣлъ былъ очень скроменъ. Моя философская дѣятельность протекала одиноко. Мое міросозерцаніе было слишкомъ далеко отъ взглядовъ большинства; проблемы, которыя я ставилъ, а тѣмъ болѣе рѣшенія, которыя я для нихъ предлагалъ, мало кого задѣвали. У меня было много хорошихъ и близкихъ друзей, но въ теченіе долгихъ лѣтъ было очень мало единомышленниковъ въ философіи. Я на это нисколько не удивлялся: иначе не могло быть по всему положенію дѣла. Конечно, я вѣрилъ въ то, что проповѣдовалъ и, стало быть, вѣрилъ въ окончательное торжество моихъ идей. Но я думалъ, что онѣ восторжествуютъ очень не скоро, во всякомъ случаѣ не при моей жизни. Вся моя надежда была въ томъ, что я кое-что привнесу отъ себя для этого далекаго будущаго и что, можетъ быть, тогда обо мнѣ помянутъ добрымъ словомъ. Съ другой стороны, мнѣ представлялось, что если я обманываюсь въ оцѣнкѣ моихъ взглядовъ, и они составляютъ одно изъ философскихъ заблужденій, которыхъ было такъ много въ исторіи, то лучше, чтобы они никогда не пріобрѣтали популярности: тогда грѣха на мнѣ будетъ меньше. Вообще, я писалъ больше для воображаемаго, идеального читателя. На него шелъ я штурмомъ, пуская въ ходъ весь арсеналъ моихъ разнообразныхъ доказательствъ. И мнѣ казалось, что мы довольны другъ другомъ: идеальный читатель—онъ покладистый.

И вотъ теперь я стою предъ этимъ блестящимъ собраниемъ, гдѣ я вижу такъ много дорогихъ мнѣ лицъ и гдѣ сошлись любимые иуважаемые мною представители такихъ почтенныхъ учрежденій въ Москвѣ. Здѣсь представители Московскаго университета и Историко-филологическаго факультета, здѣсь Психологическое Общество, представители высшихъ курсовъ, депутаты Обществъ: Любителей россійской словесности,

Испытателей природы, Математического Общества, Юридического, Общества невропатологовъ и психіатровъ, Религіозно-философскаго, Дѣятелей періодической печати, Литературно-художественаго кружка, издательства «Путь», журнала «Логость», здѣсь представители дорогихъ мнѣ гимназій, съ которыми связана вся моя жизнь, и здѣсь же столько дорогихъ мнѣ учениковъ и ученицъ, и бывшихъ, и настоящихъ, и по университету, и по высшимъ курсамъ, и по гимназіямъ. И мнѣ говорили такъ много хорошаго, иногда совсѣмъ незаслуженнаго. Что могу на все это отвѣтить? Могу только низко поклониться и сказать: спасибо Вамъ!
